

Стародубцева Н. А. Средства выражения нравственного идеала в языке житий русских святителей синодального периода / Н. А. Стародубцева // Научный диалог. — 2018. — № 12. — С. 152—165. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-12-152-165.

Starodubtseva, N. A. (2018). Means of Expressing Moral Ideal in Language of Hagiographic Texts about Russian Hierarchs of Synodal Period. *Nauchnyy dialog*, 12: 152-165. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-12-152-165. (In Russ.).

УДК 811.161.1'04+811.161.1'37

DOI: 10.24224/2227-1295-2018-12-152-165

Средства выражения нравственного идеала в языке житий русских святителей синодального периода¹

© Стародубцева Наталья Анатольевна (2018), orcid.org/0000-0003-1480-8230, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия), na_starodubceva@volsu.ru.

В статье освещается вопрос о смыслообразующей роли глагольных единиц как одного из средств выражения нравственного идеала в русских оригинальных житиях XIX—XX веков. Актуальность исследования обусловлена, с одной стороны, недостаточной изученностью текстов синодального периода, в отличие от агиографии предыдущих столетий, а также важностью рассмотрения формальной и содержательной стороны подобного рода памятников сквозь призму языкового воплощения значимых житийных смыслов и феноменов. Уделяется внимание разграничению понятий «святость» и «нравственный идеал» применительно к агиографии. На основе изученных текстов предлагается классификация топосов, направленных на выражение значимых житийных констант (православных этических постулатов и типов святости), среди которых выделяются общие, универсальные топосы, релевантные для образа любого подвижника, специфические, актуальные для определенного типа святости, и индивидуальные, характеризующие конкретного героя жития. Выявляются закономерности функционирования глагольных словоформ в контексте при экспликации того или иного топоса. Отмечается специфика лексико-грамматической и экспрессивно-стилистической семантики языковых единиц в житиях святых. В результате исследования делаются выводы о функциональности и смысловой нагрузке глагольных средств, репрезентирующих святейший тип святости.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-34-01009-ОГН «Отражение представлений о нравственном идеале в языке русской оригинальной агиографии XVIII—XX веков».

Ключевые слова: история русского языка; житийный текст; глагол; семантика; топос; нравственный идеал; тип святости.

1. Введение

Научная литература, посвященная русской агиографии, весьма обширна. В связи с этим следует указать прежде всего на текстологические и источниковедческие исследования, например, работы В. О. Ключевского, И. Яхонтова, А. П. Кадлубовского, Н. П. Барсукова, Н. И. Серебрянского, В. Яблонского, Л. А. Дмитриева, Г. Н. Моисеевой и др. Особенно важный аспект — использование агиографического материала для изучения духовных основ русской святости, «религиозной феноменологии» [Федотов, 1990; Топоров, 1995—1998 и др.].

Языковые черты житий XIX—XX веков гораздо меньше осмыслены учеными в силу ряда общеизвестных экстралингвистических факторов. На это неоднократно указывали и филологи, отмечая, что «даже оригинальная русская агиография <...> в настоящее время представляется областью», требующей «нового, более репрезентативного и глубокого изучения» [Творогов, 2008, с. 115]. При этом исследователи признают целесообразность разноаспектного подхода к тексту жития, важность как формальной стороны, литературоведческого анализа, так и смысловой, содержательной стороны, связанной с репрезентацией образа святого, сути его подвига, типа святости [Суровцева, 2014; Дорофеева, 2017; Benz, 1987; Ziolkowski, 1988 и др.], постулируя необходимость рассмотрения взаимосвязи понятий «агиография» и «агиология». В. М. Живов называл именно литературно-филологическое изучение текста жития в качестве главенствующего, видя в нем возможное основание для целостного анализа житийного произведения [Живов, 1994, с. 8]. Проблема целостного анализа житийного текста — в единстве содержания и формы — была и остается сегодня нерешенной.

2. Святость и нравственный идеал

Агиографическая литература представляет собой одну из культурных форм, благодаря которой становится возможным закрепление индивидуального опыта святости в культуре [Кудина, 2013, с. 3]. Житиям «выпало на долю быть главным источником русских духовных идеалов» [Никольский, 1901, с. 225]. Они формировали нравственный кодекс поведения, тот «склад идеальных понятий», который стал органичным русскому сознанию и определил ценностные доминанты русской культуры, истории, словесности [Дорофеева, 2017, с. 12]. В святом олицетворялись представле-

ния людей о совершенной личности, вбирающей в себя лучшие моральные качества, являющейся эталоном поведения, целью, на достижение которой должны быть направлены усилия человека. Герой в житии предстает носителем высокой духовности, он как бы посредник между Богом и людьми, показывающий, что реальный человек может достичь святости на земле. Пример духовного подвига святого в каждом житии становится моделью поведения, психологическим и социальным идеалом, образцом.

Несмотря на относительную близость понятий «святость» и «нравственный идеал» применительно к создаваемому в житии образу подвижника, представляется целесообразным разграничивать эти феномены. По мнению В. И. Зорина, в основе нравственного идеала лежит неудовлетворенность людей своей жизнью, желание сделать ее лучше, счастливее путем нравственного самосовершенствования или преобразования существующей действительности [Зорин, 2002, с. 227]. Психолог С. Л. Рубинштейн, характеризуя идеал человека, в качестве значимых признаков выделяет определенную совокупность норм поведения *образа-образца* и воплощение в нем наиболее ценных человеческих черт, которые становятся стимулом и регулятором развития остальных людей [Рубинштейн, 2009, с. 531—532]. При этом отмечается, что содержание нравственного идеала изменчиво и отражает потребности, устремления людей, живущих в разные исторические эпохи.

Таким образом, святость, как более широкое понятие агиологии, включает в себя репрезентацию нравственного идеала, связывающего подвижника с миром реальным, миром людей, для которых он, его качества и поведение — ориентир, образец, но при этом в философско-религиозную категорию *святости* можно включить и всевозможного рода дары (исцеления, провидения, изгнания бесов, принесения счастья и т. п.), получаемые при жизни святым от Господа в качестве награды за верность выбранному подвигу, и посмертные чудеса, связанные с именем святого.

3. Агиографическая топика как способ выражения типа святости

Житие святого — жанр строго «этикетный» (термин Д. С. Лихачева), обладающий своим набором «общих мест», повторяющихся сюжетных ситуаций и стилистических формул. Агиографы, как правило, не стремились представить святого в его неповторимой индивидуальности и в конкретном историческом контексте, предмет изображения — не конкретная судьба, а святость, понимаемая как универсальная, вневременная категория [Минеева, 2000]. Как пишет И. П. Еремин, «житие не столько отражает действительность, сколько планомерно и настойчиво навязывает ей свой

абстрактный идеал человека, часто умозрительный» [Еремин, 1987, с. 17]. Разумеется, жития могут содержать и подлинные исторические и биографические факты, свидетельствующие о многообразии проявлений святости в разные эпохи и на разных землях [Пигин, 2010, с. 59]. Важной задачей изучения агиографии по этой причине является описание житийной топики. Топика — одна из наиболее устойчивых характеристик средневекового текста, имеющая значение прежде всего для памятников с нормативной поэтикой, к числу которых относится и агиография, являющаяся, с ее установкой на художественный канон, одним из самых формализованных жанров [Руди, 2005, с. 59]. Топосом может быть любой повторяющийся элемент текста — от отдельной устойчивой литературной формулы до мотива, сюжета или идеи [Руди, 2005, с. 61]; это основной элемент текста-образца, своеобразный каркас, образованный рядом словесных формул, в пределах которых возможно варьирование языковых средств [Рогожникова, 2000, с. 84—85].

Важнейшими константами житийного текста, формирующими содержательное наполнение памятников письменности, являются типы святости, репрезентируемые комплексом топосов [Руди, 2005; Стародубцева, 2008 и др.]. Суть подвига главного героя представляется возможным выявлять через реализацию определенного набора топосов, зафиксированных в тексте жития.

Рассмотрение различных типов святости и конкретных образов подвижников, представленных в нашем материале, позволяет выделить общие, универсальные топосы, характеризующие черты поведения, релевантные для любого типа святости, и имеющие в конечном итоге достижение определенных христианских добродетелей; а также специфические топосы, актуальные для определенного типа святости, отличающего его от других.

4. Глагольная лексика как средство выражения нравственного идеала

Для создания образа святого и раскрытия сути его подвига используются различные языковые средства. Объектом нашего внимания стали глагольные единицы, которые, благодаря разнообразию лексической и грамматической семантики, широким сочетаемым проявлениям, способности осложнять высказывание многообразными модально-экспрессивными значениями, специфично раскрывают житийное содержание. Исследователи неоднократно подчеркивали способность глагола выступать в качестве тексто- и смыслоорганизующего средства [Гришаева, 2006; Лапчинская,

2015 и др.]. Еще В. фон Гумбольдт отмечал существенное различие между глаголом и другими словами: «Все остальные слова предложения подобны материалу, ждущему своего соединения, и лишь глагол является связующим звеном, содержащим и распространяющим жизнь» [Гумбольдт, 2000, с. 199].

В выбранных для исследования русских агиографических текстах — Житии Дмитрия Ростовского, Житии Илариона Суздальского, Житии Митрофана Воронежского и Житии Тихона Задонского — отражен святительский тип святости, являющийся одним из самых популярных в синодальный период.

Анализ языкового материала показал, что глагольная лексика служит значимым средством создания образа подвижника как воплощения нравственного идеала. В рамках предложенного подхода данный феномен рассматривается как набор топосов, раскрывающих поведение святого и его духовные качества, посредством которых выявляется смысл христианских постулатов смирения, нестяжания, воздержания, любви к ближнему и др. [Стародубцева, 2007].

Среди общих топосов, не ограниченных описанием конкретного типа святости, можно выделить, прежде всего, «описание аскетического образа жизни святого», включающего соблюдение строгого поста, усердную молитву, отказ от мирских благ. Подобное поведение героя направлено на стяжание таких добродетелей, как смирение, нестяжание, воздержание: *Юный ієромоахъ каждодневно совершалъ литургію съ такимъ благоговѣніемъ, что слезы ручьями лились изъ очей, полагалъ ежедневно по тысячѣ поклоновъ; вкушалъ пищу лишь черезъ два и три дня, а въ посты оставался безъ пищи по цѣлымъ недѣлямъ...* [ЖИС, с. 9]; *Послѣ сего святитель... наединѣ предался горячей молитвѣ Богу* [ЖДР, с. 13—14]. В подобных случаях агиографы нередко прибегают к использованию слов-интенсификаторов, выраженных именами существительными (*тысяча*), качественными прилагательными (*горячая*), наречиями меры и степени (*каждодневно, ежедневно*), сравнительными и фразеологическими оборотами (*съ такимъ благоговѣніемъ, что слезы ручьями лились изъ очей*), именными конструкциями (*по цѣлымъ недѣлямъ*), что указывает на намеренное стремление описать богоугодные действия подвижника сверх нормы, представить святого не как обычного человека, а как наделенного некими силами и свойствами, которые должны были служить образцом для подражания мирянам.

Типичный вариант реализации данного топоса зафиксирован и во фрагменте Жития Митрофана Воронежского при характеристике нестя-

жательного образа жизни епископа, развенчивающего стереотипы о богатстве знаменитых святых. Так, просьба Митрофана Воронежского одеть его после смерти в простую, скромную одежду описывается с помощью инфинитивной конструкции: *Архіерейскими же одеждами отнюдь не облачати мене да бы и мнѣ въ томъ по завѣщанію Святѣйшаго Патріарха не разнитися* [ЖМВ, с. 10] В данном контексте церковнославянизм *облачити*, выраженный независимым инфинитивом и имеющий значение ‘одеть, надеть платье на себя или другого’ [ЦС, с. 364], вместе с контекстуальным уточнителем *отнюдь*, то есть ‘совершенно, совсем’ [ЦС, с. 396], подчеркивают категоричность просьбы святителя, являвшегося истовым поборником роскошных убранств церковнослужителей. Разделяя подобные воззрения, святой Димитрий Ростовский так завещал себя похоронить: ... *Молю убо тѣхъ, иже свою смерть памяत्वуютъ, да отвлекутъ мое грѣшное тѣло въ убогій домъ и тамо между трупіями да повергнуть е* [ЖДР, с. 29].

Еще одним значимым смыслом, раскрывающим суть нестяжания, является топос «страннолюбие и гостеприимство»: *Одной изъ главнѣйшихъ добродѣтелей Иларіонъ считаль гостепріимство. Отказывая себѣ во всемъ, нерѣдко терпя голодъ, братія, по приказанію Иларіона, дѣлилась послѣднимъ кускомъ хлѣба съ приходящими ...Иларіонъ велѣл кормить всѣхъ приходящихъ* [ЖИС, с. 20]; *При жизни онъ расточаль имъ все свое имѣніе, так что послѣ его смерти у него нашли только три полушки* [ЖИС, 27]; *...Ни о чемъ он такъ не заботился, какъ о помощи бѣднымъ и утѣшеніи скорбящихъ... Имѣль обыкновеніе посылать подаяніе въ богадѣльни и остроги* [ЖТЗ, с. 23]. Выражение указанного топоса связано с функционированием в текстах разнообразных глаголов с семантикой владения (*расточать, брать, подавать, отдавать, передавать, раздавать, посвящать остатки* и др.), положительного эмоционально-оценочного отношения (*заботиться*).

Обязательной чертой главного героя в изученных текстах является «жертвенная любовь к ближнему». Данный топос может получать конкретно-историческое воплощение, например, в Житии Илариона Суздальского затрагивается тема стрелецкого бунта 1682 года и следующим образом повествуется о роли святителя в этих событиях: *Стрѣльцы послѣ бунта прибѣгли къ его зашитѣ и, пользуясь древнимъ правомъ святителей печаловаться за опальныхъ, Святитель Иларіонъ исходатайствовалъ многимъ изъ виновныхъ прощеніе у юныхъ царей Петра и Иоанна* [ЖИС, с. 24]. Для характеристики поведения героя в сложной ситуации в приведенном высказывании используются языковые единицы с семантикой по-

ложительного отношения к кому-либо, в частности, глагольно-именное сочетание *прибегнуть к защитѣ* и форма инфинитива *печаловаться* (т. е. ‘заботиться, просить о ком-то’ [ЦС, с. 421]), а также глагола речевого воздействия *исходатайствовать* (‘ходатайствуя, испросить что-либо’ [ЦС, с. 232]).

Крайняя степень любви к ближнему зафиксирована во фрагменте Жития Илариона Суздальского, когда святитель не только простил одного из братии, покушавшегося убить святого, а «*даже ухаживалъ за нимъ за больнымъ, и когда тотъ умеръ, то самъ отпѣлъ его, похоронилъ своими руками, оплакавъ грѣхи его*» [ЖИС, с. 14].

Для демонстрации таких добродетелей святого, как смирение и терпение, в анализируемых текстах достаточно вариативно представлено смысловое наполнение топоса «описание различного рода искушений, жестоких действий злых сил», направленных против святого. В таком случае обращает на себя внимание употребление глагольных единиц с семантикой негативного физического воздействия на объект (*нападать, убить*), приведения в эмоциональное состояние (*искушать(ся), мучить, томить, возбуждать против. обуревать помыслами унынія*), отрицательного эмоционально-оценочного отношения (*воспылать ненавистью*), речевого воздействия (*оклеветать, ругать, упрекать, поносить*): *Онъ послалъ архимандриту Варлааму грамоту, в которой упрекалъ его за то, что издание житій было сдѣлано безъ его разрѣшенія* [ЖДР, с. 13]; *По слову Божию, сосуду избранну, каковымъ былъ Иларіонъ, надлежитъ искушаться... Врагъ рода человѣческаго діаволь цѣлыхъ три года мучилъ подвижника, разставляя злокозненныя и разнообразныя срти: то томилъ его любострастіемъ, то обуревалъ его помыслами унынія, то возбуждалъ противъ него его же братію, то наконецъ, явно самъ или чрезъ злыхъ разбойниковъ нападалъ на Иларіона* [ЖИС, с. 11—12]; *Одинъ изъ братіи... воспылалъ такою ненавистью къ игумену, что рѣшился убить его топоромъ* [ЖИС, с. 13—14]; *Кто-то, по наущенію діавола, оклеветалъ Иларіона предъ патріархомъ* [ЖИС, с. 16]; *Но они, посрамленныя, не внимая доказательствомъ, стали отражаться камнями, и съ дерзостію устремились на первосвятителя* [ЖМВ, с. 13—14] и др. Субъектом указанных действий могут выступать при этом не только бесы (дьявол), но противники святого в лице официальных властей, из числа братии или простых людей.

Кроме общих топосов, релевантных для любого подвижника, были выделены признаки святости, значимые для святителя. Так, данному подвигу свойственно раскрытие таких смыслов, как «любовь подвижника

к учебе, ранний интерес к христианскому учению, грамоте и книжности»: ...*И здѣсь в монастырь съ любовію предавался чтенію Св. писанія и душеполезныхъ книгъ* [ЖИС, с. 4]; *Здѣсь онъ съ особенною любовію и прилежаніемъ отдался изученію наукъ* [ЖДР, с. 6].

Неотъемлемой чертой святительских житий является топос «устройство церковей, храмов, монастырей, семинарий и прочих богослужебных заведений». В этих случаях отмечено использование единиц созидательной, социальной деятельности, эмоционально-оценочного отношения: *Иларіонъ позаботился о расчищеніи дорогъ въ разныя стороны отъ обители, самъ устроилъ черезъ рѣки и ручьи мосты... Онъ возобновилъ сгорѣвшую было деревянную церковь, окружилъ монастырь оградой и вновь поставилъ на воротахъ церковь...* [ЖИС, с. 11]; *Онъ устроилъ въ Ростовѣ при архіерескомъ домѣ духовную семинарію* [ЖДР, с. 20]; *Пресвященный Митрофанъ предпринялъ соорудить новую каменную церковь* [ЖМВ, с. 26]; *Святитель Тихонъ поддерживалъ это училище, сколько могъ, своими средствами и кромѣ того открылъ подобныя же училища и по другимъ городамъ... Святитель много заботился также о томъ, чтобы храмы Божіи содержались въ надлежащей чистотѣ и опрятности* [ЖТЗ, с. 14].

Святитель в житии обязательно предстает непримиримым защитником христианской веры, хранителем православных традиций. Ревностно отстаивая свои воззрения, он ведет борьбу не только с языческими обрядами горожан, как, например, Тихон Задонский: *Сильно и небезуспѣшно возставалъ также святитель Тихонъ противъ нехристіанскаго препровожденія воскресныхъ и праздничныхъ дней* [ЖТЗ, с. 17], или выступает против нерадивых священнослужителей, как Димитрий Ростовский: ...*Пастыри вмѣстѣ съ пасомыми коснѣли въ невѣжествѣ и грубой невнимательности къ своимъ прямымъ священнымъ обязанностямъ... Святитель, конечно, не замедлилъ принять пастырскія мѣры противъ сего ужаснаго зла* [ЖДР, с. 19]. Святитель, рискуя жизнью, оказывается способным ослушаться самого государя Петра I, как Митрофан Воронежский: *Преподобный Пастырь, въ отвѣтъ посланному, сказалъ: «пока Государь не прикажетъ свергнутьъ идоловъ, соблазняющихъ весь народъ, то онъ не можетъ войти во дворецъ Его ... Не прилично Православному Государю ставитьъ языческихъ болванов, и трѣмъ соблазнять простыя сердца* [ЖМВ, с. 21—22]; *Не попущу на Церковь Святую воевати, и правую вѣру нарицать неправую* [ЖМВ, с. 14].

Значимым для создания образа главного героя является и указание на его чрезмерное трудолюбие, «ненавидение покоя и принуждение себя

к работе»: *И все это он дѣлалъ самъ вмѣстѣ со своею братіей* [ЖИС, с. 11]; *По ночамъ, когда рабочіе отдыхали, Иларіонъ самъ съ братією носилъ кирпичи, воду и песокъ на лѣса и такимъ образомъ также оказывалъ рабочимъ помощь* [ЖИС, с. 23]; *Иногда онъ занимался въ саду копаніемъ грядъ или рубилъ дрова, находя сіе занятіе полезнымъ для здоровья; вообще не любилъ праздности и очень огорчался, когда заставлялъ своихъ келейниковъ безъ дѣла* [ЖТЗ, с. 26]. Данный топос реализуется глагольными лексемами созидательной (*делатъ*) и социальной деятельности (*заниматся*), перемещения (*носитъ*), физического воздействия на объект (*рубить*), эмоционального состояния (*огорчаться, любить*) и др.

Однако говорить о замкнутости данных смыслов в рамках определённого типа святости не вполне корректно, можно лишь выделить эти признаки как доминирующие в святительском подвиге.

Несмотря на стремление авторов житий абстрагировать образ святого, представить его как идеал, образец, вне времени и пространства, в изученных нами образах святителей можно выделить индивидуальные черты, раскрывающие конкретную личность. Так, например, для понимания духовного облика Митрофана Воронежского значимо указание на бескорыстную любовь к Отечеству, желание процветания своей стране, что проявляется в ситуациях, когда епископ призывает прихожан жертвовать деньги на строительство флота: *Архипастырь сей... увѣщавалъ, подкрѣплялъ, успокоивалъ трудящихся въ работахъ, и всю паству свою возбуждалъ ревностно содѣйствовать благонамѣреннымъ отеческимъ попеченіямъ Государя* [ЖМВ, с. 29]. Актуализации важных смыслов способствует в приведенном высказывании употребление глаголов речевого воздействия *увѣщавать, подкрѣплять, успокоивать* в составе фигуры градации. И сам Митрофан, понимая всю важность начатого Петром дела, отдал все свои деньги для постройки флота со словами: *«Всякіи сынъ Отечества должень посвящать остатки отъ издержекъ своихъ нуждѣ Государственной»* [ЖМВ, с. 30].

Обращаясь к личности Тихона Задонского, одним из ключевых моментов его просветительской деятельности мы можем назвать противоборство с малограмотными и плохо исполняющими свои обязанности священнослужителями местных церквей: *Приказывается всѣмъ, начиная отъ монаха до священника, имѣть каждому у себя Новые Заветы и читать ихъ съ благоговѣніемъ и прилѣжаніемъ* [ЖТЗ, с. 13]; *Особенно подвергалъ онъ строгому наказанію священниковъ за небрежное храненіе св. Таинъ: у одного велѣлъ отобрать ставленую грамоту, другого отослать на годъ въ монастырь* [ЖТЗ, с. 14]. Для раскрытия образа святого важную роль

играет его любовь к семье: ...*Онь старался, сколько могъ, оказывать помощь своимъ нуждающимся родственникамъ* [ЖТЗ, с. 8], близость к простому народу: *Святитель Тихонъ ... особенно любилъ простой народъ и умѣлъ съ нимъ сближаться искреннимъ словомъ* [ЖТЗ, с. 16]; ... *любилъ бесѣдовать съ простымъ народомъ* [ЖТЗ, с. 27]. Эта черта поведения святого может проявляться в тексте при употреблении глагольных единиц в составе различных стилистических приемов, например: *Для каждого у него было назидательное слово: впавшихъ въ уныніе онъ ободрялъ, печальныхъ утешалъ, нуждавшимся въ помощи помогалъ, угнетаемыхъ защищалъ* [ЖТЗ, с. 27]. Синтаксический параллелизм конструкций, образованный с помощью словоформ глаголов эмоционального состояния (*ободрять, утешать*) и социальных отношений (*помогать, защищать*), способствует организации смыслового пространства текста; это подчеркивается также приемами гомеоптотона (равнопадежия субстантивированных причастий) и гомеотелевтона (созвучия окончаний глагольных форм), что формально структурирует и ритмизирует фрагмент, содержащий ключевые для текста смыслы.

5. Выводы

Таким образом, анализ языкового материала позволил установить, что глагольная лексика выступает в святительских житиях синодального периода одним из ключевых средств характеристики образа святого, воплощающего нравственный идеал человека, что может проявляться через поступки, поведение подвижника либо через его душевные качества, которые раскрывают внутреннюю составляющую православных этических постулатов смирения, нестяжания, любви к ближнему и др. Данные феномены репрезентируются в тексте комплексом общих, универсальных и специфических житийных топосов, получающих многообразное языковое наполнение благодаря семантико-стилистическому потенциалу и функциональным свойствам глагольных единиц, их выражающих. Это определяет способность названных средств актуализировать идейно-содержательную направленность агиографии, играть ключевую роль в реализации центральной для рассматриваемых текстов смысловой оппозиции «святой (как нравственный идеал): простой человек».

Источники и принятые сокращения

1. ЖИС — *Георгиевскій В. Т.* Житие и подвиги святителя Илариона, митрополита Суздальского / В. Т. Георгиевскій. — Петроградъ : Синодальная Типографія, 1914. — 28 с.

2. ЖТЗ — *Житие* святителя Тихона, епископа Воронежского, Задонского и всея России чудотворца. — Одесса : Типография Е. И. Фесенко, 1895. — 36 с.
3. ЖМВ — *Начертание* Житія святого Митрофана, перваго епископа Воронежскаго, новопрославленнаго чудотворца. — Москва : Университетская библиотека, 1833. — 52 с.
4. ЖДР — *Житие* святого Димитрія, Митрополита Ростовскаго. — Ростов-Ярославский : Типография А. Х. Оппель, на Окружной улице, 1902. — 32 с.
5. ЦС — *Дьяченко Г.* Полный церковнославянский словарь / Г. Дьяченко. — Москва : Посад, 1993. — 1120 с.

Литература

1. *Гумбольдт фон В.* Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. — Москва : Прогресс, 2000. — 400 с.
2. *Гришаева Л. И.* Текстогрмматические потенции глагола / Л. И. Гришаева // Русская германистика. — Москва : Языки славянской культуры, 2006. — С. 242—253.
3. *Дорофеева Л. Г.* Проблемы изучения русской агиографии / Л. Г. Дорофеева // Слово.ру: балтийский акцент. — 2017. — Т. 8. — № 1. — С. 11—23.
4. *Еремин И. П.* Лекции и статьи по истории древней русской литературы / И. П. Еремин. — Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1987. — 327 с.
5. *Живов В. М.* Святость : краткий словарь агиографических терминов / В. М. Живов. — Москва : Гнозис, 1994. — 112 с.
6. *Зорин В. И.* Евразийская мудрость от А до Я : философский толковый словарь / В. И. Зорин. — Алматы : Создік-Словарь, 2002. — 407 с.
7. *Кудина О. М.* Сравнительная типология святости в католической и православной традициях : автореферат диссертации ... кандидата философских наук : 24.00.01 / О. М. Кудина. — Комсомольск-на-Амуре, 2013. — 23 с.
8. *Лапчинская Т. Н.* Смислообразующая функция семантических типов полнозначных глаголов в тексте немецкого короткого рассказа / Т. Н. Лапчинская // Культура и цивилизация. — 2015. — № 6. — С. 261—279.
9. *Минеева С. В.* Истоки и традиции русского агиографического жанра / С. В. Минеева // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. — 2000. — № 1. — С. 20—30.
10. *Никольский Н. К.* Исторические особенности в постановке церковноучительного дела в Московской Руси и их значение для современной гомилетики / Н. К. Никольский // Христианское чтение. — 1901. — № 2. — С. 220—236.
11. *Пигин А. В.* Памятники рукописной книжности Олонецкого края : учебное пособие / А. В. Пигин. — Петрозаводск : ПетрГУ, 2010. — 225 с.
12. *Рогожникова Т. П.* Агиографический топос в житийных текстах Великих Минея Четых : синхронический и диахронический аспекты / Т. П. Рогожникова // Вестник Омского университета. — 2000. — № 4. — С. 84—87.
13. *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. — Санкт-Петербург : Питер, 2009. — 713 с.

14. Руди Т. Р. Топика русских житий (вопросы типологии) / Т. Р. Руди // Русская агиография. Исследования. Публикации. Polemica. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2005. — С. 59—101.
15. Стародубцева Н. А. Использование инфинитива при характеристике различных типов святости в старорусских житиях / Н. А. Стародубцева // Известия ВолГГУ. Серия, Проблемы социально-гуманитарного знания. — 2007. — Вып. 4, № 10 (36). — С. 110—113.
16. Стародубцева Н. А. Функциональная семантика инфинитива как смыслообразующее средство при выражении житийных топосов в текстах старорусских памятников письменности // Вестник ВолГУ. Серия 2, Языкознание. — 2008. — № 1 (7). — С. 150—153.
17. Суровцева Е. В. Функционирование жанра жития в русской литературе в XVIII—XXI века / Е. В. Суровцева // Язык и личность в поликультурном пространстве : сборник статей. — Севастополь : Рибэст, 2014. — С. 156—175.
18. Творогов О. В. Переводные жития святых в древнерусской книжности XI—XV вв. / О. В. Творогов // Труды Отдела древнерусской литературы / отв. ред. Н. В. Поньрко. — Санкт-Петербург : Наука, 2008. — Т. 59. — С. 115—132.
19. Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре : в 2 томах / В. Н. Топоров. — Москва : Гнозис, 1995—1998. — Т. 1—2.
20. Федотов Г. П. Святые Древней Руси / Г. П. Федотов. — Москва : Московский Рабочий, 1990. — 121 с.
21. Benz E. Russische Heiligenlegenden / E. Benz. — Zürich, 1987. — 524 s.
22. Ziolkowski M. Hagiography and Modern Russian Literature / M. Ziolkowski. — Princeton, N. J. : Princeton University Press, 1988. — 265 p.

Means of Expressing Moral Ideal in Language of Hagiographic Texts about Russian Hierarchs of Synodal Period ¹

© Starodubtseva Natalya Anatolyevna (2018), orcid.org/0000-0003-1480-8230, PhD in Philology, associate professor, Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University (Volgograd, Russia), na_starodubceva@volsu.ru.

The article deals with the question of the meaning-forming role of verbal units as one of the means of expressing the moral ideal in the Russian original hagiography of the 19th—20th centuries. The relevance of the study is due, on the one hand, to the lack of study of the texts of the Synodal period, in contrast to the hagiography of the previous centuries, as well as to the importance of considering the formal and substantive

¹ The study is financially supported by RFBR, scientific project № 17-34-01009-ОГН “The reflection of views on moral ideal in the language of Russian original hagiography of the 18th—20th centuries.”

side of such texts through the prism of the linguistic embodiment of significant everyday meanings and phenomena. Attention is paid to the distinction between the concepts of "Holiness" and "moral ideal" in relation to hagiography. On the basis of the studied texts, a classification of toposes is proposed, aimed at the expression of significant hagiographic constants (Orthodox ethical postulates and types of Holiness), among which there are general, universal topos, relevant to the image of any ascetic, specific, relevant to a certain type of Holiness, and individual, characterizing a particular hagiographic hero. The regularities of the functioning of verbal word forms in the context of the explication of a topos are revealed. The specificity of lexico-grammatical and expressive-stylistic semantics of linguistic units in the lives of saints is noted. As a result of the study, conclusions are made about the functionality and semantic load of verbal means representing a sainted type of Holiness.

Key words: history of the Russian language; hagiographic text; verb; semantics; topos; moral ideal; type of Holiness.

Material resources

- TsS — Dyachenko, G. (1993). *Polnyy tserkovnoslavyanskiy slovar'*. Moskva: Posad (In Russ.).
- ZhDR — *Zhitiye svyatogo Dimitriya, Mitropolita Rostovskago*. (1902). Rostov-Yaroslavl'skiy: Tipografiya A. Kh. Opper, na Okruzhnoy ulitse. (In Russ.).
- ZhIS — Georgiyevskiy, V. T. (1914). *Zhitiye i podvigi svyatitelya Ilariona, mitropolita Suzdalskogo*. Petrograd: Sinodalnaya Tipografiya. (In Russ.).
- ZhMV — *Nachertaniye Zhitiya svyatogo Mitrofana, pervago episkopa Voronezhskago, novoproslavlennago chudotvortsya*. (1833). Moskva: Universitetskaya biblioteka. (In Russ.).
- ZhTZ — *Zhitiye svyatitelya Tikhona, episkopa Voronezhskogo, Zadonskogo i vseya Rossii chudotvortsya*. (1895). Odessa: Tipografiya E. I. Fesenko. (In Russ.).

References

- Benz, E. (1987). *Russische Heiligenlegenden*. Zürich. (In Germ.).
- Dorofeyeva, L. G. (2017). Problemy izucheniya russkoy agiografii. *Slovo.ru: baltiyskiy aktsent*, 8/1: 11—23. (In Russ.).
- Eremin, I. P. (1987). *Lektsii i statyi po istorii drevney russkoy literatury*. Leningrad: Izdatelstvo Leningradskogo universiteta. (In Russ.).
- Fedotov, G. P. (1990). *Svyaty Drevney Rusi*. Moskva: Moskovskiy Rabochiy. (In Russ.).
- Grishaeva, L. I. (2006). Tekstogrammaticheskiye potentsii glagola. In: *Russkaya germanistika*. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury. 242—253. (In Russ.).
- Gumboldt, fon V. (2000). *Izbrannyye trudy po yazykoznaniiyu*. Moskva: Progress. (In Russ.).
- Kudina, O. M. (2013). *Sravnitel'naya tipologiya svyatosti v katolicheskoy i pravoslavnoy traditsiyakh: avtoreferat dissertatsii... kandidata filosofskikh nauk*. Komsomolsk-na-Amure. (In Russ.).
- Lapchinskaya, T. N. (2015). Smysloobrazuyushchaya funktsiya semanticheskikh tipov polnoznachnykh glagolov v tekste nemetskogo korotkogo rasskaza. *Kultura i tsivilizatsiya*, 6: 261—279. (In Russ.).

- Mineyeva, S. V. (2000). Istoki i traditsii russkogo agiograficheskogo zhanra. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9, Filologiya, 1*: 20—30. (In Russ.).
- Nikolskiy, N. K. (1901). Istoricheskiye osobennosti v postanovke tserkovnouchitel'nogo dela v Moskovskoy Rusi i ikh znachenije dlya sovremennoy gomileтики. *Khristianskoye cheniye, 2*: 220—236. (In Russ.).
- Pigin, A. V. (2010). *Pamyatniki rukopisnoy knizhnosti Olonetskogo kraja: uchebnoye posobiye*. PetrGU. (In Russ.).
- Rogozhnikova, T. P. (2000). Agiograficheskiy topos v zhitiynykh tekstakh Velikikh Miney Chetikh: sinkhronicheskiy i diakhronicheskiy aspekty. *Vestnik Omskogo universiteta, 4*: 84—87. (In Russ.).
- Rubinshteyn, S. L. (2009). *Osnovy obshchey psikhologii*. Sankt-Peterburg: Piter. (In Russ.).
- Rudi, T. R. (2005). Topika russkikh zhitiy (voprosy tipologii). In: *Russkaya agiografiya. Issledovaniya. Publikatsii. Polemika*. Sankt-Peterburg: Dmitriy Bulanin. 59—101. (In Russ.).
- Starodubtseva, N. A. (2007). Ispolzovaniye infinitiva pri kharakteristike razlichnykh tipov svyatosti v staroruskikh zhitiyakh. *Izvestiya VolgGTU. Seriya, Problemy sotsialno-gumanitarnogo znaniya, 4/10*: 110—113. (In Russ.).
- Starodubtseva, N. A. (2008). Funktsionalnaya semantika infinitiva kak smysloobrazuyushcheye sredstvo pri vyrazhenii zhitiynykh toposov v tekstakh staroruskikh pamyatnikov pismennosti. *Vestnik VolGU. Seriya 2, Yazykoznanie, 1 (7)*: 150—153. (In Russ.).
- Surovtseva, E. V. (2014). Funktsionirovaniye zhanra zhitiya v russkoy literature v XVIII—XXI veka. In: *Yazyk i lichnost' v polikulturnom prostranstve: sbornik statey*. Sevastopol: Ribest. 156—175. (In Russ.).
- Toporov, V. N. (1995—1998). *Svyatost' i svyatye v russkoy dukhovnoy kulture. 2*. Moskva: Gnozis. (In Russ.).
- Tvorogov, O. V. (2008.). Perevodnyye zhitiya svyatykh v drevnerusskoy knizhnosti XI—XV vv. In: Ponyrko, N. V. (ed.). *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury, 59*. Sankt-Peterburg: Nauka. 115—132. (In Russ.).
- Zhivov, V. M. (1994). *Svyatost': kratkiy slovar' agiograficheskikh terminov*. Moskva: Gnozis. (In Russ.).
- Ziolkowski, M. (1988). *Hagiography and Modern Russian Literature*. Princeton, N. J.: Princeton University Press.
- Zorin, V. I. (2002). *Evraziyskaya mudrost' ot A do Ya: filosofskiy tolkovyy slovar'*. Almaty: Sozdik-Slovar'. (In Russ.).